

Сергей Климов

КАК
Я
ЧЁРТА
ИСКУШАЮ

Animedia

Сергей Климов

Как я чёрта искушал

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19397543

Как я чёрта искушал: Animedia; Прага; 2016

ISBN 978-80-7499-220-9

Аннотация

Роман о дружбе и любви – двух бесценных сокровищах, обрести которые желает каждый. История о чёрте, который решил стать добрым, прекрасно подойдёт для читательских кругов как подросткового, так и взрослого возрастов.

Содержание

Сергей Климов	4
От издательства Animedia Company	4
Как я чёрта искушал	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Климов

Как я чёрта искушал

От издательства Animedia Company

Уважаемый читатель!

Спасибо, что приобрели эту книгу. Надеемся, что она принесет вам немало приятных минут, ведь в нее вложили свой труд разные, но очень хорошие люди: автор, редактор, дизайнер, верстальщик и многие другие.

У нашего маленького дружного коллектива к вам одна просьба. Если книга вам действительно понравится, но скачали вы ее на “пиратском” сайте, то купите, пожалуйста, легальную копию в одном из магазинов, где ее размещает наше издательство (список вы найдете на странице книги на нашем сайте [битая ссылка] <http://animedia-company.cz/ebooks-catalog/kak-ja-certa-iskusal>). Электронная книга стоит не дороже чашки кофе, но таким образом вы дадите автору стимул и возможность создавать новые произведения,

а издательству их выпускать. Если же вы приобрели книгу легально и хотите поделиться ей с другом, то постарайтесь, пожалуйста, сделать это, не копируя файл и не распространяя его через интернет.

Мы выражаем вам огромную благодарность за поддержку и внимание.

Как я чёрта искушал

Я – Кирилл Каманин, двадцати лет от роду, студент политехнического университета, учусь на факультете бизнеса и финансов. Живу в четырёхкомнатной квартире со своими родителями. Моя мама – заведующая терапевтическим отделением в одной крупной клинике, а папа – ректор университета, в котором я, собственно, и учусь. Принимая меня к себе в вуз, папа строго предупредил меня, что ни в коем случае не станет своим влиянием содействовать моей учёбе, и доселе выполняет своё твёрдое обещание. Да я и сам рад бы поучиться, чем время от времени я правда занимаюсь, вот только мешают моему благородному порыву безумные преподаватели, которые, как только слышат мою фамилию, сразу же ставят мне зачёт или оценку за экзамен, конечно, всегда положительную. Причём делают они это с такой масляной миной, что у меня складывается впечатление, будто я сын живого Сталина, а не скромного, хоть и грозного на вид ректора. Что мне остаётся делать? Только пожимать плечами, вздыхать и уходить. Очень редко на мою жаждущую жаркого экзамена голову выпадает какой-нибудь надменный сноб, которому справедливо по барабану кто у меня отец, кум и дядя, и тогда я отрываюсь по полной. Мне всегда нравится наблюдать за реакциями таких «профессоров», они думают, если отец – ректор, значит, сын – ленивый имбе-

цил с мозгами курицы. Но когда я легко начинаю парировать вопросы своими ёмкими и лаконичными ответами, их челюсти явственно опускаются под неумолимой властью земного притяжения, брови складываются не в привычный домик, а в домище, а глаза становятся похожими на зенки пекинеса, если стянуть в кулак шкуру его морды на затылке... Я, право, не живодёр, так, для смеха пробовал... Факультет я выбирал сам, торговля и денежные отношения мне чертовски нравятся, а потому вопросом владею, и упрекнуть меня в халатности по отношению к учёбе не смог бы даже сам ректор! Да отец мой как раз и пребывает в сладкой иллюзии, считая, что я действительно нудно и усердно сдаю свои зачёты, и я его в этом не переубеждаю. Зачем? Главное, чтобы я дело своё знал, а то, как в мою зачётку попадают отметки чуть ли не «браво!», ему знать и не нужно. Мой папа, в сущности, такой человек, которому нужно быть уверенным, что мне тяжело живётся. Да я и не против! Только, наверно, я просто счастливчик...

* * *

Отправной точкой этой истории я бы обозначил тот день, когда большой компанией однокурсников мы пошли тусоваться в клуб. Началось всё с джина, закончилось самбукой и абсентом, поэтому часа в три ночи, когда большинство наших, мокрые и уставшие от пляса, изъявили желание при-

лнуть головами к мягким домашним подушкам, я решительно всех остановил. Я, по своему обыкновению, не имел привычки ограничиваться клубом, душа требовала продолжения банкета! Поэтому очень скоро мы всей толпой приехали на съёмную квартиру к нашему другу. Подняв тост «За святость помыслов и мужество сердец» (спяну я и не такое могу!), я предложил нашей заскучившей компании слегка развлечься. Любое развлечение всегда приобретает остроту и шарм, если оно затевается на почве спора между несколькими людьми. Предложение моё было незаурядным, это я понимал сразу, но иначе бы все уснули, так и не дождавшись рассвета. А как приятно встречать блики утреннего солнца своей уже чуть протрезвевшей улыбающейся физиономией, держа в руках чашечку свежесваренного кофе и задвигая сонным друзьям философские вопросы типа «Что есть любовь?», «Чего хотят женщины?», «В чём смысл жизни?».

Барыш был чисто символическим – спорили на бутылку текилы. Идея моя была настолько идиотской, что придумать её, а тем более участвовать в ней, можно только ну в очень хорошем подпитии. Кроме меня, в этом абсурде согласились участвовать ещё трое моих знакомых. А сводилось всё вот к чему.

У нашего друга в ванной комнате стояла большая ванна. Не то чтобы огромная, просто больше обычных. До сих пор не могу понять, как мне на ум пришло предложить прыгать в неё «щучкой». Но, наполнив её водой, я пригласил всех к

барьеру, точнее к стиральной машине, которую мы избрали как надводную вышку. Судьями были девушки. Они должны были оценить, у кого изящней всего получится прыжок.

Первопроходцем был хозяин квартиры. Раздевшись до плавок и взобравшись на стиральную машину, он, подпрыгнув, головой вниз вошёл в воду, однако вытянутые вперёд руки не дали ему больно удариться, и он успешно кувыркнулся на спину. Брызги разлетелись в разные стороны, заметно уменьшив количество воды в ванне. Я уверен, шквал нашего хохота заставил соседей проснуться, но если бы они сами видели ЭТО, то ползали бы по полу, не в силах унять смех, не меньше нашего.

Вторым вызвался я и добавил в ванну утраченное количество воды. Мой прыжок был хорош. Я говорю это не из гордости, а цитирую слова наших судей. То есть в принципе я повторил всё то, что сделал мой предшественник, только изобразил это поэлегантней. И, между прочим, у меня были прекрасные шансы выиграть это соревнование, если бы не третий участник.

Наш одnogруппник выпрыгнул со стиральной машинки вверх, подобно олимпийскому пловцу. Его тело выпрямилось ровной иголкой, перпендикулярно ванне и с той же художественной соразмерностью прорезало водяную гладь... И зачем нужны были эти понты? Сгруппироваться-то всё равно не успел! И лицом прямо об ванну. Наверное, было больно. Вода окрасилась алым, что не на шутку заставило

всех нас испугаться. Неудавшегося каскадёра вытащили из воды. Нос явно сломан, на лбу шишка, а сам без сознания.

– Шухер! – повысил голос я. – «Скорую» надо! Быстро!

«Скорая помощь» приехала и вправду быстро, но к этому времени нам удалось привести нашего друга в чувство нашатырём. Объяснять докторам, что произошло на самом деле, мы разумно не стали, а то бы забрали всех без разбору в здание, где держат Наполеонов, Чингисханов и Ричардов Львиное Сердце. Сказали, что человек пошёл принять ванну и поскользнулся. Пострадавший такому объяснению возражать не стал. Я думаю, что он ещё долго поминал меня «незлым, тихим» словом, ведь заработал он себе сотрясение мозга. А ну-ка, головой об ванну да с прыжка!

* * *

Мои папа с мамой об этом очень скоро узнали. Сдал меня мой одноклассник-неудачник, растрепав обо всём своим родителям, а те, воспользовавшись случаем, начали доить моих предков на предмет оплаты лечения сыночка. Гад! Подругому не назовёшь. Терпеть не могу таких хлюпиков, которые в своих неудачах ищут виновных со стороны, при этом не забывая всхлипывать и поджимать губки, когда рассказывают обо всём маме. Поэтому когда отец пригласил меня к себе в кабинет на разговор, я безропотно поплёлся за ним.

– Кирилл, – говорил насупленный ректор размеренно, но

металл в его голосе заставлял меня слушать его, не перебивая, – твои действия в последнее время стали приносить нам с твоей матерью всё больше хлопот. У тебя есть много свободного времени, чересчур много, которое ты растрачиваешь впустую, да ещё и создаёшь массу неприятностей себе и окружающим. Тебе скучно живётся? Тебе нечем заняться?

– Папа, я хожу в тренажёрный зал, я учусь, я читаю книги. Ты так говоришь, как будто я целый день шляюсь по улицам и...

– Понятно, понятно, – остановил меня отец. – Сама праведность! Сама невинность! Быть может, тебе напомнить, как мне пришлось забирать тебя из милиции, когда ты залез на плечи памятника Пушкину и пил шампанское?

– Таковым было условие спора, – пожал я плечами.

– Когда я разрешил поехать тебе с друзьями к нам на дачу, вы украли у соседей курицу.

– Вот тут мне нечего сказать. Признаю себя виновным и каюсь безмерно.

– Я знаю, что ты куришь, несмотря на то, что я не раз приводил тебе примеры пагубности этой привычки.

– Исключительно «Мальборо» или «Парламент»!

– Но верхом твоей гениальности было, когда в наше с мамой отсутствие ты устроил здесь гулянье, а потом в своём кабинете я нашёл женский лифчик, качающийся на люстре!

– Папа! Я уже не раз извинялся за это.

– Ты всегда извиняешься, а я всегда тебя прощаю. Но на

этот раз нужно преподать тебе урок.

Я вжался в стул. Допрыгался, сейчас отвесит мне в наказание какую-нибудь бяку.

– Мы посоветовались с твоей матерью и решили на какое-то время отправить тебя проведать бабушку с дедушкой.

– Деревня?! Нет, только не деревня. Там же свиньи!

– А ещё корова, куры, гуси и кролики, – ровным голосом стегал словами отец. – И всему этому нужен уход. Вот как старики обрадуются, когда ты приедешь помочь им.

– Но мне нужно ходить в институт!

– Родители твоей матери не живут в другой стране. У тебя есть собственная машина, так что в институт будешь ездить оттуда.

Я скривился и молящими глазами посмотрел на отца.

– Нет, – отрезал папа, – можешь меня не уговаривать. Всё уже решено без твоего участия. Завтра тебя будут ждать в деревне. Удачно провести время!

– Сколько мне нужно быть там? – обречённо смирился я.

– Продержись хотя бы неделю.

* * *

Возмездие настигло меня, безжалостно отрезав от привычной среды, и вечером следующего дня я уже парковал свою тюнингованную серебряную «девяносто девятую» с ярким рисунком дракона на капоте у ворот дома своих пожи-

лых родственников. Спорить с отцом было бесполезно, более того, это чревато худшими последствиями. Вдобавок я чувствовал за собой вину, а потому посчитал это позорное наказание заслуженным.

Встретил меня мой дед – невысокий, но сбитый дядька семидесяти с лишним лет с явным недостатком зубов, что компенсировалось неиссякаемой жизненной энергией. В свои преклонные лета дед выглядел таким себе живчиком-попрыгунчиком и не упускал шанса вдали от зорких глаз бабушки позаигрывать с одинокими соседками, правда, наверное, только позаигрывать... А вообще-то кто его знает...

– Здорово, Кирюшка! Давненько ты к нам не заезжал, – принялся обниматься дед. – Мы уже грешным делом подумали, что махнул ты на нас.

– Да ты чего, деда! Как же я махну? Просто дел всегда по горло, я же учусь.

– Учёным будешь? Это надо. Ну, проходи в дом. А помнишь, как ты у нас маленький летом отдыхал, на сеновале спал?

– Помню, дед. Золотое время!

Во дворе в мой цивилизованный нос ударил резкий и непривычный запах навоза и затхлости.

– Чего морщишься, Кирюшка? Али деревню позабыл? Дык это мы быстро тебя растормошим. Пару деньков, и будешь как тутошний.

Но что было приятным, так это их старый уютный дом. Я

сразу вспомнил его позабытые комнаты, ту самую кровать, на которой я когда-то спал в объятиях ласковых перин, печь, из которой бабушка доставала горячие ароматные пироги с вишней и абрикосом. Теперь её заменила газовая плита, но старую печь дед благоразумно не разбирал в целях экономии средств. Да и потом хлеб, испечённый в деревенской печи, не сравнится ни с одной ресторанной гренкой.

– Кстати, дед, а где бабушка? – опомнился я.

– А она сегодня на ночь в магазин дежурить ушла. Переучёт у них. К утру вернётся. Ты садись за стол, голодный небось? Щас мы с тобой ужинать будем. Или переоденься пока, попроще чего-нибудь есть у тебя? Уж больно ряженный ты!

Ну, приоделся немного, в деревню всё-таки ехал! Потёртые джинсы, белоснежные кроссовки, модная толстовка с надписью «Kiss me, babe!» и до колен плащ. А что, слишком эпатажно, как для провинции?..

– Вот это другое дело! – признал дед, когда я вышел в стареньком спортивном костюме. – Убери с плиты борщ, когда закипит, а я пока кролика пойду обдеру.

– А можно я с тобой? – заинтересовался я.

– Пошли, поможешь.

Оставив борщ кипятиться на маленьком огне, мы вышли во двор. Кроликов у деда было достаточно, голов пятьдесят так точно. Натруженной рукой он достал из клетки упитанного кроля и, свесив его головой вниз, ребром ладони хлёст-

ко шибанул за ушами по шее. Дело сделано. Не знаю почему, но когда дед уже заканчивал снимать шкуру, голова кроля оторвалась вместе с ней. Я отвернулся, глубоко задышал, явно испытывая резко подступившую тошноту.

– Ой, Кирюшка, ты чего это? – непонимающе посмотрел на меня дед. – Крови боишься, что ли? То я силу не рассчитал, переборщил малость. А у кроликов позвоночник слабенький, вот и голова отпала вместе со шкурой. Зато возиться не долго. Курице вон сначала голову снеси, потом общипывай её, а бывает, вырвется из руки, и гоняйся за ней потом, за безголовой. Кирюшка, ты куда это?

Вот представлять безголовую убегающую курицу мне категорически не следовало... Из-за сарая я вышел скоро с мыслями о том, что к деревне ещё нужно привыкнуть. Дед мой с пониманием отнёсся к ситуации, подтрунивать не стал, а просто налил две рюмки самогона.

– Нашенский, пятьдесят градусов! – похвастался он. – Ну, быть добру!

Под горячий наваристый борщ, сало и лук и деревенской самогонки не грех тяпнуть! После второй рюмки дед пустился в расспросы:

– Как там мама поживает? Здорова?

– Да, а ей и некогда болеть. Постоянно на работе. Вы-то сами как?

– А что с нами станется? Живём помаленьку. У нас тут тоже с хозяйством шибко не похандришь. Давай за тебя луч-

ше выпьем.

Сжарившийся кролик и сваренная в мундирах картошка придали вдохновения нашему застолью, и рассказы деда потекли ручьём. И о том, как он корову водил на случку, и о том, каких размеров рыбу ловил, и о том, как подшутил над бабушкиной подругой, посоветовав ей просеять мешок купленной соли во избежание появления червей. Засиделись мы допоздна. После седьмой «по пятьдесят» я решительно встал из-за стола и отпросился у деда выйти на пару минут подышать воздухом.

Закурив за воротами сигарету, я с упоением запрокинул голову на звёздное небо, наслаждаясь уже лёгким морозцем первых весенних дней. Я даже не обратил внимания на то, как высокий субъект в тёмной одежде подошёл ко мне почти вплотную. Только когда он наклонился к моему уху и попросил закурить, я повернул к нему голову.

– Пожалуйста, – нетрезвой рукой я протянул ему пачку сигарет и поднёс к лицу зажигалку.

– Благодарю, – вежливо поклонился субъект, нетерпеливо делая затяжки.

Больше он ничего не говорил, просто стоял и молча пыхтел дымом. В свете лампы двора я сумел кое-как рассмотреть этого скупого собеседника.

Этот тип выглядел лет на двадцать пять, внешностью сильно не выделялся, прикидом тоже. Ну, разве что белобрысый. Это всё. В нём не было ничего такого примечатель-

ного, о чём стоило бы упомянуть. С первого взгляда он создавал о себе впечатление простого недалёкого классического человека без всяких качеств романтизма и особой привлекательности.

– Не спится? – я попытался хоть как-то развеять тишину.

– Ага.

– А чего так?

– Сейчас не до сна. Дел много.

Какие в деревне могут быть дела для молодых людей в полуночное время? Теоретически только несправедливые и незаконные. Зато впоследствии приятные, и такое дело можно курить, завернув в газетку... Интересно, а разжиться у него можно?

– И много вас в деле?

– Нет, я один.

О-о, значит, напрямую продаёт.

– Меня зовут Кирилл, – для вежливости представился я.

– А меня чёрт.

Стоять, паровоз. Какой чёрт? А-а, ну ясно. Всё, крах-дело. Типчик уже заряжен. Ладно, не велика потеря.

– Эх тебя таращит-то, чёрт! Ты где живёшь?

– Наверно, в городе.

Наверно? Да, попал человек. В такую глушь заехать! Не позавидуешь.

– А выбираться как отсюда думаешь?

– Ещё не знаю.

– Беда! Ты б попрिдержал коней, зачем же сразу в хлам?
Что ж с тобой делать? Самогонки хочешь?

– Хочу.

– Тогда пошли за мной.

Зайдя в кухню, деда я уже не обнаружил. Усадив этого «чёрта» за стол, я тихонько заглянул в спальню. Не дождался меня дед, храпит вовсю. Ну и пусть спит на здоровье, мне даже так спокойнее.

Я налил своему гостю полную рюмку и поставил перед ним тарелку с едой. Через минуту на ней не было и крошки. О как его на хавчик пробило! Так, теперь чай. Я настоятельно потребовал от несчастного выпить две чашки крепкого чёрного чая с лимоном. Он не стал возражать.

– Ну как, голова проясняется? Легчает?

– Да, спасибо, очень вкусно.

– Пошли теперь на воздух.

На террасе сытый и явно выздоравливающий от дурмана ночной искатель приключений уставился в темноту.

– Какой волной тебя сюда прибило, помнишь? – решил прояснить я ситуацию.

– Да, прекрасно помню.

– Поведаешь убогому, от чего так не по-детски плющит?

– Длинная история.

– А ты куда-то торопишься?

– Нет, не тороплюсь. Хорошо, раз спросил, расскажу. Появился на свет я чуть меньше двух тысяч лет назад, незадолго

после Рождества Христова. Отец мой – демон, мать – фурия.

Вот те на! Вроде ж отпустить его должно было? Значит, тут не в травке дело. Дружбанчик посерьёзней чем-то закинулся.

– Дослушай до конца, – попросил меня рассказчик, видя моё постное выражение лица.

Я невинно поднял брови.

– Продолжай.

– О детстве своём говорить не буду, ничего интересного, сразу перейдём к юности. Когда я подрос, папа отдал меня на обучение к Змею-Искусителю. Это была престижная должность, она сулила хорошую карьеру в будущем. Папа тогда весомо помогал Змею, поэтому тот и принял меня к себе. Многие черти-ровесники тогда просто обзавидовались мне, не у каждого был такой покровитель. Постепенно я начал вливаться в работу. Поначалу дело шло скверно, искушал я посредственно, за что и выгребал от начальства по самое не балуй. По молодости много чудил, являлся людям воочию, наблюдал за их ужасом и паникой. За это тоже получал не меньше. Своеволие в аду запрещено, только строгое выполнение приказов. Змей учил меня многим тактикам и методикам искушения. Знания я впитывал быстро, потому был на хорошем счету и в конце концов дослужился... э-э... по-вашему будет примерно до старшего лейтенанта. Просто у нас там своя иерархия, а это нудно объяснять. За это время исколесил я всю землю, изучил все народы. Как в духе

много работал, так и в телах по земле ходил, а при надобности и в своём собственном обличье людям являлся. Искушал всех, кто мало-мальски тянулся к свету, кстати, священники – моя основная область специализации. Из крупных личностей, известных тебе, Мамай был под моим надзором, я сподобил его напасть на Русь. Ах, как этот хан был горд и честолюбив! Но завоевать русичей ему не судилось. Тогда и Сергей Радонежский постарался... При Иоанне Грозном я частенько появлялся на арене, подливая масла в огонь его неуправляемых эмоций. Король Англии Генрих VIII обеспечил мне хорошее повышение. Поначалу солнечный, весёлый, подвижный монарх благодаря мне превратился в самовлюблённого деспота, бабника и чревоугодника. Я искушал пророков, ясновидящих, мыслителей, философов, мастеров духа. Разжигал войны, политические распри внутри стран, разрывал высокие отношения влюблённых, даже несколько мировых катастроф на моём счету! И знаешь, что я однажды понял? Мне вдруг в голову пришла мысль, что моя работа больше не приносит мне удовольствия. Мне стало скучно и неинтересно искушать людей, выродились достойные соперники, с кем можно было бы ощутить хоть какой-то дух противоборства. Что сейчас? Только рукой махни, бросая в человеческую голову какую-нибудь дурацкую мысль с высоким мотивом, – и он тут же бежит воплощать её в жизнь. Вот недавно история была. Муж домой пришёл, а на шее у него раздражение выскочило, ничего серьёзного, царапнулся на

работе. Но пятно это было очень похоже на засос. Вот я и ненароком обратил на это внимание жены да мысль кинул – измена. Так она, находясь до этого в отменном настроении, такой скандал закатила, дело чуть до развода не дошло. Но, признаюсь тебе, не только из-за этого впал я в хандру, мне вдруг захотелось стать хорошим, добрым. Захотелось полюбить, жениться, нарожать детишек целую кучу. А плотских утех я перепробовал – во! – Он двумя пальцами ткнул себя в горло. – Когда я добился немалых успехов, я мог позволять себе мелкие шалости. А обернуться красавчиком-испанцем и соблазнить неприступную диву – для меня было раз плюнуть. Но это быстро надоедает... Когда я допустил такие крамольные мысли, я, конечно, сам испугался этого. И не напрасно. Сам Вельзевул явился ко мне и за моё кощунство низверг меня в самые низины ада, где было, к слову, много тех душ, над которыми я глумился на земле. Всех званий и должностей, естественно, я был мигом лишён. А как Змей был взбешён, лучше тебе и не знать. Обиженные на меня души начали терзать меня и безжалостно мстить, и тогда я впервые за всю свою жизнь взмолился Всевышнему. Ты знаешь, Кирилл, я никогда не забуду того момента. В бездну ада ко мне – чёрту-искусителю со стажем в две тысячи лет – спустился сияющий ангел. Он сказал мне, что моя мольба услышана, и мне даётся шанс и надежда на искупление. И он отправил меня на землю в тело человека, находящегося в коме. Душа несчастного блуждает нынче в сферах тумана и

мрака, и время его пробуждения ещё не настало. Так что я временно занял его тело.

– Так ты из больницы сбежал? – не выдержал я.

– Почему сбежал? Меня выпустили.

Да-а, такого эффекта я ещё не видел! Так гнать и не сигналить можно только под сильным кайфом.

– Кирилл, это ещё не всё.

– Есть ещё что-то?

– Да. Ангел повелел мне разыскать тебя – Кирилла Каманина, студента. Ты должен помочь мне.

Моё лицо вытянулось и весьма тупо посмотрело на недавнего знакомого.

– Я не вру, – убеждал свихнувшийся тип. – Чтобы получить свободу от власти Вельзевуловой, мне нужно, по словам ангела небесного, самому претерпеть искушения. Для этого он обозначил тебя. Ты – мой искушитель.

– Дело пахнет ахтунгом, – подвёл черту я. – Ты так больше не балуйся, побереги себя, здоровье всё-таки важнее.

– Назад дороги нет, – горько выдохнул мой гость.

– Но есть ведь разные клиники, хорошие врачи, они обязательно тебе помогут!

– Тьфу ты! – насупился умалишённый. – Опять ты за своё. Говорю тебе: чёрт я, чёрт!

– Твою ж мать! Чёрт, значит, да?

– Да!

– А докажи! Обратись в чёрта, ты же мне заливал про то,

как ходил по земле в истинном обличье. Вот и покажи мне себя! А? Всё? Успокоился?

– Как пожелаешь, – глубоким ровным голосом ответил мне этот крендель и повернулся спиной.

Стоял так он где-то с минутку, а потом застенчиво повернулся. Песец! Надо бросать пить!

Чёрно-красными глазами на меня глядело существо с пятчком вместо носа, свиными ушами и загнутыми кверху невысокими рогами. Руки его... нет, руками эти грабли назвать нельзя... Его лапы с кривыми, нестриженными месяца два когтями были покрыты медвежьей шерстью, а ровные светлые волосы на голове стали чёрными и курчавыми. Кожа его была теперь красной, как у индейца, а в ботинках необходимости больше не было, поскольку копыта в них не нуждаются. Неловко повернувшись боком, существо приспустило брюки и достало свой ослиный хвост, с забавной метёлочкой на конце. Большого я не видел, потому что упал в обморок.

* * *

Приоткрыв один глаз, я обозрел помещение. Ага, лежу в кухне, на лежанке у печи. Фу-ух, чтоб с дедом пить, здоровье нужно как минимум бычьё. Не, завязывать надо с алко-голем, а то уже черти мерещатся. Не обнадёживающий знак. Я сел и сонно посмотрел на чистый, прибранный стол. Значит, дед уже проснулся. Открыв холодильник, я достал бан-

ку солёных помидоров и плеснул в стакан рассола. Голова не болит, продукт был качественный, а вот сушит неслабо. Когда я снова плюхнулся на скамью, в кухню вошла бабушка.

– Кирюша! Проснулся уже? – чмокнула меня старушка. – Что же ты в кухне лёг? Я ведь тебе комнату приготовила.

– Привет, бабуль. Да мы тут вчера с дедом посидели слегка, вот я и... .

– Он уже получил у меня. Это ж надо! Из родного внука собутыльника делать! Совсем спятил на старости лет.

– Бабуль, да ты не ругайся, всё нормально.

– Тогда умывайся, причёсывайся и садись за стол. Завтракать будем.

Когда я вышел из ванной, бабушка вручила мне миску с кашей и костями и попросила вынести во двор собаке. На улице меня приветствовали утреннее солнце, дедушка и... Так как дважды по одному и тому же поводу в обморок я не падаю, то на этот раз я выронил из рук тарелку с собачьим завтраком.

– Здоров, Кирюшка! – помахал мне дед, мило беседующий со вчерашним чёртом. Отныне слово «чёрт» следует воспринимать не буквально. Естественно, эта скотина опять превратилась в человека. – Что, руки не держат? Это мы мигом поправим. Бабушка там на стол накрывает?

– Изыди, проклятый! – суетливо перекрестил я исчадие ада. – Дед, это же чёрт! Пошёл прочь, нечисть поганая!

А нечисть поганая умилённым младенцем потупила глаз-

ки, прячась за дедовскую спину.

– Где чёрт?! – перепугался дед, оглядываясь по сторонам. – Внучок, чёй-то ты городишь ахиною несуразную. Похмелиться тебе надо бы. Давайте, ребятки, возвращайтесь в дом, а я сейчас подойду.

Подошедший ко мне «рогатый» заставил меня отступить на пару шагов назад.

– Ну ты что, совсем дурак? – покрутил он у виска пальцем. – Чего ты орёшь, людей пугаешь?

– Так ты же чёрт?

– Чёрт, и что дальше? Нужно бегать и всем об этом рассказывать? Твоему дедушке я сказал, что мы с тобой вместе в институте учимся, и ты вчера пригласил меня в гости.

За завтраком я таки накатил самогонки в целях успокоения. Бросишь тут пить в таких условиях... Когда старики занялись своими делами, я потребовал у навязчивого гостя объяснений.

– Давай всё сначала. Ты точно чёрт?

Вместо ответа этот авантюрист на несколько секунд превратил свой нос в пяточок, наверное, чтобы сомнений больше не возникало.

– Мамочки! И за какие же грехи мне всё это? Хорошо, верю. Дальше. Ты решил стать положительным персонажем, за что выгреб по ушам от Вельзевула, но ангел дал тебе шанс и отправил ко мне, для того чтобы я стал твоим искусителем. Всё правильно?

– У тебя поразительная память!

– Не задирайся, я и так весь на нервах. Почему я?

– Вот это хороший вопрос. Вчера я не успел тебе объяснить. Зря ты так напрягаешься, такое положение дел тебе только кстати. Твой блудливый нрав не сделал тебе чести перед ангелами, на твоём счету несколько разбитых женских сердец.

– Кто бы говорил! – вспыхнул я.

– А я и не спорю, – пожал плечами чёрт. – За то, что ты легкомысленно относился к любви, тебе выпало наказание до конца своих дней не испытать этого чувства. Будешь влюбляться, увлекаться, жениться, но любви в твоих отношениях не будет. Так мне ангел сказал.

– Нормально?! Значит, какого-то чёрта помиловали, а меня за пару косяков на всю жизнь любви лишили? – Я не на шутку обиделся.

– Чего ты в бутылку сразу полез? И тебя помиловали! – попытался утешить меня этот хмырь. – Если ты сумеешь меня искусить, тебе даруется любовь. Мне же нужно суметь продержаться и не поддаться на твои провокации. И тогда власть Вельзевула надо мной ослабеет.

– А я вот прямо искуситель-суперстар!

– Нет, конечно, не суперстар, но раз меня – лейтенанта армии ада – приставили к тебе, значит, потенциал большой.

– Зашибись! То есть мы с тобой по-любому враги. Если выиграю я, ты отправишься вариться в котле, а если ты – я

до конца жизни пролетаю в плане любви.

– Суть ты верно обозначил, но относиться к этому таким резким образом не обязательно. Ты мне, например, теперь тоже не безразличен.

Это что за осада принципов мироздания, господа? Вор должен сидеть в тюрьме, а чёрт должен быть символикой зла! Чёрт хороший? А может, тогда и евреи дворниками станут? И зачем переворачивать всё с ног на голову? Видите ли, скучно ему стало! Какая цаца! Хорошим захотел стать! Прямо чудо света получается...

– С чего начнём? – бодро спросил меня мой компаньон.

– Как зовут тебя, чучело?

– Ещё не знаю. Сейчас в паспорте посмотрим.

Достав из куртки паспорт, он протянул его мне.

– Ха! Борис Адамов! Повезло тебе, старик, особенно с фамилией. Зато имя как звучит! Чёрт Борюня.

Бегло осмотрев первую страницу, экс-искуситель спрятал документ в карман.

– Слушай, а может, по пивку? – предложил я.

– Так это мигом, – обрадовался Борис и потёр ладони. – Тебе какого?

– А что, ты любое можешь достать?

– Из любой страны мира. Раз плюнуть.

Я одобрительно выкатил губу. Теперь у меня и собственный чудотворец есть!

– А давай чешского для разминки!

– Нет, извини, не могу, – вежливый чёрт потускнел вдруг и опустил голову. – Я же теперь не могу творить злодеяния. Если я сейчас раздобуду нам чешского пива, то в каком-нибудь баре или магазине Чехии оно пропадёт. А это воровство, понимаешь?

– Ну ты чёрт! Сначала раззадорил, а потом обломал. Надо было нам с тобой раньше встретиться, когда ты ещё на своём месте был.

– Ага, разбежался! – фыркнул «рогатый». – Если бы мы встретились с тобой, когда я выполнял свои прямые обязанности, твоя жизнь бы была испорчена за считанные дни. Нет, ну пивом бы, конечно, угостил.

– Пошли тогда в магазин. Сегодня я угощаю.

По дороге я спросил его:

– А что ты ещё умеешь делать из необычного?

– Много чего могу. Облик любой могу принять – человека или животного, невидимым могу стать, в пространстве переместиться, очаровать кого угодно. Только теперь это всё мне без надобности. Я хочу жить, как простой человек.

– Тогда вот тебе деньги, простой человек, пиво сам купишь. Привыкай понемножку.

В магазине терять зря время я не стал. Когда продавщица отвернулась спиной к прилавку, чтобы достать бутылки с пивом, а Борис Адамов сосредоточенно начал считать деньги, я шустро спёр лежащий рядышком чупа-чупс и на правах искателя незаметно сунул его в карман своему подопытному.

Оплатив товар и вежливо поблагодарив женщину, чёрт Борюня собрался было выходить. Ты смотри, какой быстрый! Играть так играть!

– Ай-яй-яй, Боренька, разве ж так можно? Хотя бы в магазине постеснялся бы.

Адский дезертир вопросительно уставился на меня.

– Ты о чём это?

– Как о чём? Верни обратно чупа-чупс, который ты украл, или заплати за него, если он тебе нужен.

– Ничего я не украл.

– А ты в карман себе посмотри! Вот лжёт и не краснеет.

Сунув руку в карман, нечистый честно покраснел.

– Это ты украл.

– А вот это уже совсем некрасиво, Боря.

Только я это вымолвил, как понял, что уже сам держу в руке эту самую конфету на палочке. Ой!

– Кто тут что украл? – строгая продавщица вышла из-за прилавка.

– Простите, у меня kleptomания, – вдруг покаялся чёрт-искуситель, протягивая женщине чупа-чупс. – Позвольте я ещё и заплачú.

В своей руке я, конечно, уже ничего не обнаружил.

– Спасибо, – потрепал меня по плечу начинающий праведник, когда мы вышли на улицу. – Я устоял перед твоими кознями.

– Да какие это козни! Так, попробовать решил. А ты чуть

не скопытился, между прочим.

– Прости. Привычка даёт о себе знать, как безусловный рефлекс, сам еле спохватился.

– Не нравится мне это всё. Получается, чтобы ты был хорошим, мне надо грешить и быть плохим.

– По факту да, но на самом деле всё не так. Являясь на данный момент моим искусителем, тебе будут прощены те дурные поступки, к которым ты будешь прибегать ради меня. Насчёт этого ангел слово дал.

– А-а, ну тогда можно и поискушать. Завтра в церковь пойдём на исповедь-причастие?

– Ты что, изувер?!

– А что такого?

– Как что? Нет, ну допустим, исповедь я ещё пройду. Тебе надо будет сильно постараться, чтобы найти мне батюшку, которого бы я испугался. А причастием ты меня просто убьёшь. Это как для тебя горящего авиационного керосина выпить. Сравнение понятно? Если просто свечки сходить поставить, то я и сам не против, хотя не в каждую церковь войти смогу.

Дожились, братцы! Черти ходят в церковь молиться и свечи ставить!

– Почему не в каждую?

– Если настоятель и основное руководство – люди глубокой веры, нипочём не войду в тот храм. А если силой загонят, лихорадка начнётся, медленно плавиться начну. Но та-

ких церквей в мире очень мало, это я тебе как специалист говорю. Для меня, как для чёрта, церковь – место малопривлекательное, энергетика всё-таки чужеродная, но брезгливости или отвращения я не испытываю, заходя туда. Один раз я даже уснул на пороге церкви, пока ждал окончания службы и свою жертву. А мы честно пойдём?

– Будет видно. Сегодня на хозяйстве, надо старикам помочь.

Зарядившись пивком, мы с Борюней занялись чисткой сараев. В смысле чистил и вывозил навоз он, а я только показывал рабочие объекты. И, если хотите знать, инициатива была всецело его, я предлагал ему помощь, но черти, знаете ли, пошли такие амбициозные!

– Я обязан привыкать к физическому труду, это для души полезно! – пыхтел он, носясь по двору с тачкой. – Я ещё твоей бабушке сегодня корову доить помогать буду!

О, да! Ретивости ему не занимать! Хотя сначала я думал, что он пошутил. Но когда он начал упрашивать бабушку самостоятельно подоить корову, делая это с видом, как будто вся его чёртовская родня тысячи лет ничем не занималась, помимо дойки коров, а он сам – так вообще потомственный дояр, я понял, что этот сельскохозяйственный деятель не на шутку перегрелся у себя в аду. Ну что, на две минуты его хватило – стаканчик честно надоил. Мы с бабушкой оправданно ржали, прислонившись к стенке, глядя на то, как Борюка, пытаясь скрыть дрожь в онемевших руках, издевался над

коровой, настырно растягивая ей... эти... ну, вы поняли, и разминая вымя. Корова, повернув голову, удивлённо округлившимися глазами смотрела на своего доильщика, капризно похлёстывая его хвостом по лицу. Но настойчивости у товарища старшего лейтенанта было предостаточно, он, чуть ли не плача, терпеливо продолжал своё дело, пока бабушка, сжалившись, не сменила его, профессиональной хваткой взявшись за дело.

– Никогда бы не подумал, что доить корову НАСТОЛЬКО тяжело! – обиженно сокрушался раздосадованный чёрт.

– Непривычно признавать себя дилетантом?

– Во все нет, отсутствие навыка придаёт стремления овладеть им. Если мне будет позволено, я буду практиковаться.

– Ещё как, сынок, позволено! – отозвалась бабушка. – И Кириллу будет позволено.

– Бабуль, да ты что? Я отродясь корову не доил!

– Учиться никогда не поздно, – менторски бросил ужаленный в одно место невольник ада.

– Всего пару раз, Кирюш. Не откажи в услуге. Нас на праздник с твоим дедом пригласили назавтра. У кумовьёв наших сорок лет совместной жизни! Не с руки бегать туда-сюда, годы всё-таки уже не те...

Я, вестимо, не воспылил энтузиазмом, когда допетрил, что конкретно попал на суточный уход по хозяйству. И, что печально, выкрутиться уже не представлялось возможным. Собраться и подленько свалить? Это как-то не в моей природе.

Сослаться на собственный тупизм и немощь? Так чёрт влезет, скажет, что сам со всем справится, а мне останется глазами лупать, точно я и вправду криворукий. А вообще, пусть старики пойдут погуляют. Какие у них ещё радости в жизни?

– Недаром же я приехал, бабуля? Конечно, идите. Подробные инструкции только на листочке изложите, чтоб я ненароком чего не перепутал.

– Вот какой ты молодец у нас, Кирюша. Помощник наш! Что ты стоишь? Подходи ближе, покажу, как доить надо.

Что я могу сказать по этому поводу? Только одно! Великие чемпионы армрестлинга таятся в деревнях под видом скромных бабулек, таких, как моя, и, я уверен, в поединке со Сталлоне она бы не ударила лицом в грязь. А что Сталлоне? Он и треть ведра не надоит...

Как только я начал выжимать молоко из коровы, то сразу понял, что мои городские руки на это не годятся. С непривычки тяжеловато. Тут в основном принцип понять надо, а сноровка со временем вырабатывается.

* * *

На следующий день, получив инструкции по уходу за скотиной, я проводил стариков, пожелав им приятного отдыха. Поначалу я вовсе не придал никакого значения тому, что в моём распоряжении оказался большой дом на период вечера, ночи и половины завтрашнего дня. Но я быстро спохва-

тился.

– Борис! Как ты смотришь на то, чтобы провести сегодня время с прекрасным полом?

– Ух ты! – вырвалось у него, но он тут же изменил тон. – Поступай, как знаешь, я не вправе тебе советовать. Я всего лишь пропащий грешник, не заслуживающий снисхождения.

– Слышишь, грешник, может, хватит строить паиньку? На хозяйстве побудешь?

– Можешь не волноваться и всецело на меня положиться! – вдохновился чёрт Борюня, справаживая меня.

Мне оставалось лишь позвонить своей девушке, обрадовать её приглашением в деревню и попросить её взять с собой подругу. Потом переодеться и, прыгнув за баранку своей тачки, выехать в город. Заправив машину, я забрал девчонок и, накупив в магазине полные пакеты еды и выпивки, повернул назад в деревню. Оляка (так зовут мою девушку) с подругой оживлённо восприняли спонтанную поездку и даже собрались относительно быстро. Скажу по секрету, подругу я откровенно недолюбливал, несмотря на то, что внешне она была очень даже ничего, имея выразительные... глаза... где-то третьего или четвёртого размера, стройные ножки и соблазнительную... спину, точнее более нижнюю её часть. Она строила из себя изнеженную фифу с высокими моральными закидонами, но стерва была ещё та! Но больше всего меня злило её непогрешимая уверенность в том, что она способ-

на заставить ползать у своих ног любого мужика без исключения. Ну, это мы ещё посмотрим... Искуситель я, в конце концов, или кто?

Борис Адамов встретил нас аристократическим поклоном и обаятельной улыбкой. Вот змеёныш! А с виду и не скажешь, что он так может! Одно слово – чёрт!

– Кирилл, представь меня, пожалуйста, этим двум прекрасным нимфам, затмившим своим сиянием нашу скромную хижину.

О-о, пошёл петь! Романтик, геенной недожаренный.

– Оля – моя девушка, – сразу уточнил я этому донжуану. – Маша. А моего блистательного друга зовут Борис.

После обмена любезностями, я отвёл его в сторонку и в извиняющемся тоне сообщил:

– Тут такое дело... Ты извини, Борюнь, я не знал, что Оля Машу с собой возьмёт.

– А что такое? Маша мне очень понравилась.

– Да замужем она!

На его проникнутом лиризмом лице отобразилось такое убийственное разочарование, как если бы его снова отправили в ад к Вельзевулу. А вы как думали? Теперь-то он отчасти человек, чьё тело невесть сколько пролежало в коме. Хорошо хоть брюки у него просторные...

– Да ты не расстраивайся, ещё успеется, – искушающе поддержал я и пошёл разбирать привезённые продукты.

Нет, ну а что? Искушать так искушать! Сам попросил.

Кстати, я совсем забыл немного рассказать о своей девушке. Моя Оля была на год младше меня и не имела столь пафосный и эффектный вид, в отличие от своей самонадеянной подруги. В смысле ей не требовалась вся эта показная напыщенность по причине врождённого шарма. По симпатичности она не проигрывала Маше ни на грамм, а её лукавая улыбка заставляла дыхание затаиться и внимать ей в немом обожании. Но при всех своих плюсах внешности девица она была палец в рот не клади. Этот её итальянский темперамент неоднократно доставлял мне хлопот. Она была неуёмно ревнива и с пылким гневом реагировала на мои случайные томные взгляды в сторону проходящих мимо красоток. Но вообще-то слово «томные» мне никакой чести не делают, и, наверное, именно такая девушка мне и нужна. По крайней мере, признаюсь на чистоту, ей я пока ни разу не изменил.

Рассказывать о том, кто есть Борис Адамов на самом деле, я, конечно, не стал (да и не поверил бы никто), а на вопрос Оли о происхождении моего нового друга я ответил устоявшейся легендой о том, что познакомился с ним недавно в институте.

Вечер прошёл славно! Его несомненным лидером был обаятельный чёрт Борюня, блиставший дворянским красноречием. Он смирился с крахом своих надежд, но лишать себя женского внимания не стал. Распустившая слюнки соблазнительница Маша то и дело бросала лёгкие взгляды моему великовозрастному приятелю, в которых улавливались непро-

зрачные намёки... Но раб Божий Борис держался неприступно, стойко не отвечая на безнадёжные попытки Маши привлечь к себе внимание. И даже когда все уже были подшофе и неугомонная обворожительница мужчин обратилась в страстную распутницу, адский лейтенант сохранял невозмутимость и безразличие. Да, вот это стержень! Я, например, давно бы сдался, если, конечно, не знал бы эту даму. Хотя под угрозой раскалённой сковородки без масла, которая тебя ждёт, и не такое выстоишь...

Короче, осыпала Маша соблазнами бедного чёрта, пока он, видимо, боясь сломаться, не убежал в одну из комнат, напрочь отрезав попытки осады придвинутым к двери комодом (об этом он мне позже рассказал). Пыхтевшей от глубокой обиды обольстительнице ничего больше не оставалось, кроме как тоже улечься одной. Бинго! Виктори! Будет знать, как на престол себя возводить!

Оля спросила меня, почему Борис так себя вёл, и мне пришлось сказать ей, что он неимоверно привередлив.

Утром кислые лица неудавшихся любовников вызывали искреннее сожаление. А я вот вышел на кухню довольный жизнью, воодушевлённый на подвиги и с наслаждением закурил! Накормив девчонок завтраком, мы с грустным праведником по-быстрому управились по хозяйству, даже совместными усилиями сдоили с коровы молока, что хоть немного подняло настроение нечистому! Оставив его прибираться в доме, мы с девчонками поехали назад в город.

Маша за всю дорогу не проронила ни слова. Как потом мне рассказала Олька, она свалила вину своей неудачи на меня. Вы знаете, в женской интуиции что-то есть...

Нежно поцеловав свою подругу на прощанье, я вернулся в деревню.

– Кирилл, поздравь меня! Я сумел преодолеть искушение прелюбодеяния! – патетично встретил меня дамский угодник. – Эта девушка Маша, верно, нисколько не любит своего мужа, поскольку вчера она пыталась окутать меня своими чарами. Но я устоял!

– Прелюбодеяние? Ты о чём это?

– Как о чём? Она замужем, и я категорически не имел права...

– Да успокойся ты. Я пошутил.

– Что? – Я услышал, как костяшки его кулаков хрустнули от напряжения.

– Спокойно, Борюня. Я твой искуситель, привыкай. Да, она свободна, но заметь: беспорядочные связи тоже грешны.

– Да может быть, я влюбился в неё! – с надрывом возопил несчастный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.